

УДК 316.6

ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ЭТНОГРУПП

Е. Е. Бочарова

Бочарова Елена Евгеньевна - кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет, Россия
E-mail: bocharova-e@mail.ru

Представлены результаты теоретического и эмпирического исследования этнической и гражданской идентичности у представителей разных этногрупп. Исследование выполнено на пропорционально подобранной выборке представителей русского, казахского и армянского этносов г. Саратова, Саратовской области ($N = 32$, женского и мужского пола, 16-17 лет). Применение психодиагностического инструментария («Двадцать утверждений "Кто Я?"» М. Куна и Т. Макпартленда, «Кто Мы?» В. А. Ядова, «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой, методов контент-анализа, сравнительного анализа) позволило выявить специфику паттернов этнической и гражданской идентичности в исследуемых выборках. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке программ психолого-педагогического сопровождения формирования и развития гражданской идентичности как целостной структуры в системе личностной и социокультурной идентичности учащихся.

Ключевые слова: личность, этногруппа, этническая идентичность, гражданская идентичность.

Введение

Актуализация исследовательского интереса к разработке проблемы этнической и гражданской идентичности, их соотношения связана, прежде всего, с необходимостью понимания тенденций развития конкретных социальных, социально-демографических, этнических групп и общества в целом. Формируясь в условиях динамично развивающегося общества, этническая и гражданская идентичность, отражая особенности общественных изменений, в первую очередь, отношения к социальным реалиям, является результатом изменения этих условий. Между тем, являясь одним из механизмов регуляции социальной активности, этническая и гражданская идентичность выступают в качестве существенного фактора изменения этих условий, а их соотношение порождает различные типы и формы проявления (как конструктивные, так и деструктивные) социальной активности этногрупп.

Вместе с тем нельзя игнорировать наличие противоречия между процессами формирования этнической и гражданской идентичности. С одной стороны, актуализированная этническая идентичность может принимать интолерантные формы, провоцирующие ксенофобию, сепаратизм, и выступать фактором гражданской

дезинтеграции полиэтничного общества. Подтверждением тому является тенденция вовлечения этнической идентичности в решение политических проблем. С другой стороны, этническая идентичность может выступать этноинтегрирующим механизмом этнокультурной солидарности, актуализация которого весьма существенна для национально-гражданской консолидации через формирование гражданской идентичности.

Таким образом, основной фокус проблемы - это осмысление противоречия между процессами формирования этнической и гражданской идентичности в специфике их соотношения с последующим определением стратегий разрешения этого противоречия.

Теоретическое обоснование исследования

Этническую идентичность, отражающую субъективную причастность личности к своей этногруппе, выражающую ее приверженность существующим этническим нормам и предписаниям, традициям, довольно часто интерпретируют как проявление традиционализма [1-3]. Однако особенности формирования этнической идентичности детерминированы не только индивидуальными условиями этнизации, включающими совокупность традиционных этнообразующих факторов («кровное» родство, конфессиональная принадлежность, территориальное единство, общность исторической судьбы, языка, культуры и традиций, межпоколенная трансмиссия, общее самосознание), но и зависят от региональной специфики, обусловленной своеобразием полиэтнической ситуации, интернационализации жизни личности. При этом необходимо учитывать эффект «трансляционного наложения»: более мелкие общности в снятом виде транслируют, неизбежно интерпретируя и дополняя собственными смыслами, базовые конструкты более широких общностей. Не исключено, что в этом случае происходит изменение содержания этноидентификационных характеристик и их субъективного оценочного значения, задающих направленность самоопределения личности в социальном пространстве относительно многих этносов и межэтнических отношений.

Анализ имеющихся в исследованиях теоретических и эмпирических данных позволил выделить несколько разных «сечений» в исследуемой проблеме.

довании проблемы соотношения этнической и гражданской идентичности. Прежде всего, отметим, что, определяя гражданскую идентичность как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющую для индивида значимый смысл («Мы - граждане») [1], в случае ее актуализации исследователи склонны истолковывать как проявление современности [2-3].

В ряде работ показана равнозначность дефиниций гражданской и государственной (национальной) идентичности, когда последняя рассматривается в рамках подхода к нации как к согражданству, общности, организованной по государственно-политическому признаку [2, 4]. В этом случае категории «национальная общность» и «гражданская общность» совпадают. Между тем в рамках подходов к нации как к определенному этапу развития этнической общности понятия «гражданская идентичность» и «национальная идентичность» не тождественны, а рядоположны как чувство принадлежности к стране, государству и к этнической общности.

В то же время в работах Л. М. Дробизевой обоснована необходимость обращения к понятию «национально-гражданская идентичность», при этом подчеркивается значимость проблемы позитивной совместимости национально-гражданской и этнической идентичности. Как она отмечает, «национально-гражданская идентичность <...> включает не только лояльность государству, но и отождествление себя с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и переживаемые людьми в связи с этим чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм). Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний)» [1, с. 49]. Этническая идентичность так же, как государственная, понимается не только как самоотождествление, но и представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений [1, 5].

Кстати отметим, что, обращаясь к феноменологии гражданской идентичности, исследователи склонны рассматривать ее и как «российскую идентичность», и как «российскую гражданскую идентичность» [1, 2, 4]. При этом, как зафиксировано в ряде исследований, если для русских идеи общероссийской идентичности совмещены с «русскостью», то для людей иных национальностей это соединение сложнее конструируется, что порождает дополнительные проблемы интеграции [1, 2].

Сложным вопросом является изучение паттернов «этническая идентичность - гражданская идентичность». По сути, речь идет об изучении композиции ключевых идентификационных установок личности (в отношении своей этногруппы и себя в ней, собственного региона, страны в целом), «рельефность» которой порождает различные типы соотношения этнической и гражданской идентичности (например, комплементарный, амбивалентный, конфликтный).

Подводя итог сказанному, можно полагать, что изучение характеристик соотношения этнической и гражданской идентичности существенно позволит расширить представления о вариантах совместимости этнической и гражданской идентичности, задающих позитивные тренды актуализации идентичности.

Выборка, методики и методы исследования

Эмпирическое исследование выполнено на пропорционально подобранной выборке представителей русского (г. Саратов), армянского (представители армянской диаспоры г. Саратова) и казахского (Александровогайский район Саратовской области, граничащий с Западно-Казахстанской областью Казахстана; этнический состав района представлен преимущественно казаками) этносов. Выборка испытуемых представлена учащимися старших классов общеобразовательных школ, женского и мужского пола, в возрасте 16-17 лет (N = 96).

Эмпирическое исследование выполнено с применением комплекса психодиагностического инструментария: для выявления характеристик этнической и гражданской идентичности применены тест «Двадцать утверждений "Кто Я?"» М. Куна и Т. Макпартленда, «Кто Мы?» В. А. Ядова для выявления консолидирующих признаков, «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой, методов контент-анализа, сравнительного анализа с применением программного пакета SPSS и приложения Microsoft Excel for Microsoft Office XP.

Результаты исследования, их обсуждение

Прежде всего обратимся к рассмотрению характеристик этнической и гражданской идентичности, их выраженности в структуре идентификационной матрицы личности разных этногрупп, зафиксированных с применением теста «Двадцать утверждений "Кто Я?"» М. Куна и Т. Макпартленда с последующим применением метода контент-анализа.

В качестве критериев классификации идентичности выступали такие виды идентичности, как: социальная, личностная, половая, возрастная, гражданская, этническая, учебная, учеб-

но-профессиональная, досуговая, семейная, межличностная, религиозная, субъективно-позитивная, субъективно-негативная.

В структуре идентичности русских старшеклассников социальная идентичность имеет большую представленность, нежели личностная (71,3%, 42,7% соответственно) на достоверно значимом уровне ($\phi^* = 1,88; p < 0,05$). Наибольшую выраженность имеют учебная, гражданская, семейная, межличностная идентичности (47,7%, 44%, 37%, 36%), что свидетельствует о вовлеченности личности в разные сферы социальной жизнедеятельности. Половая, этническая идентичности имеют меньшую представленность (10,8%, 8%). Наблюдается отсутствие выраженности религиозной идентичности. Кроме того, у 59% респондентов выражено проявление субъективно-позитивной идентичности, в то время как субъективно-негативная идентичность представлена у 18% испытуемых. Следует отметить и тот факт, что гражданская идентичность респондентов представлена такими дескрипторами, как: «россиянин/россиянка» (0,84), «гражданин/гражданка своей страны, Российской Федерации» (0,72), «патриот своей страны» (0,68), «житель Саратова» (0,66), «гражданин мира» (0,24), «землячка» (0,16).

Таким образом, в структуре идентификационной матрицы русских гражданская идентичность занимает доминирующие позиции, в отличие от этнической.

В выборке представителей армянской этногруппы социальная и личностная идентичности паритетно представлены в структуре идентификационной матрицы (82,4%, 78,6%). В структуре социальной идентичности наиболее выражены этническая и религиозная идентичности (87,7%, 86,8%), в то время как семейная (54%), досуговая (52%), гражданская (49%), половая (41%), возрастная (21%), учебно-профессиональная идентичности (20%) представлены в наименьшей степени на достоверно значимом уровне ($\phi_{cp}^* = 2,87; p < 0,01$). Кроме того, респонденты демонстрируют абсолютное проявление субъективно-позитивной идентичности (100%).

Примечательно, что гражданская идентичность армянских старшеклассников представлена такими дескрипторами, как: «гражданин/гражданка» (0,57), «сын/дочь народа» (0,52) без уточнения причастности (к стране, народу) в отличие от представителей русской этногруппы.

В целом данный факт свидетельствует о превалировании в структуре социальной идентификационной матрицы этнической и религиозной идентичности.

Иная картина наблюдается в выборке представителей казахского этноса. В идентификационной матрице казахов паритетное соотношение выраженности социальной и личностной иден-

тичности (49%, 51%). В структуре социальной идентификационной матрицы наибольшую выраженность имеют этническая, учебная, досуговая, гражданская идентичность (67,7%, 64%, 54%, 49%). Семейная, межличностная, половая, возрастная менее представлены (33%, 29%, 15%, 8%). Религиозная идентичность не выражена. Кроме того, проявление субъективно-позитивной идентичности отмечается у 65% респондентов, в то время как субъективно-негативная идентичность представлена у 8% испытуемых.

Стоит отметить, что гражданская идентичность казахов представлена дескрипторами: «россиянин/россиянка» (0,78), «гражданин/гражданка страны» (0,72), «патриот страны» (0,58). Таким образом, в структуре социальной идентификационной матрицы представителей казахского этноса гражданская и этническая идентичность занимает доминирующие позиции.

Обратимся к результатам исследования групповой «мы-идентичности» в исследуемых выборках, позволяющей выявить наличие консолидирующих признаков и их специфику.

Групповая идентичность *русской этногруппы* («Кто мы?») представлена дескрипторами: «мы люди» (0,92), «мы семья» (0,90), «россияне» (0,90), «граждане РФ» (0,87), «русские/русский народ» (0,87), «единый народ» (0,87), «держава/мощная держава» (0,85), «непобедимая страна» (0,85), «славяне» (0,80), «творцы своей истории» (0,78), «живущие в многонациональной стране» (0,77), «счастливые» (0,72), «разные» (0,67), «уважающие свой народ» (0,65), «люди с русской душой» (0,65), «выигравшие Олимпиаду» (0,57), «саратовцы» (0,55), «жители одной страны» (0,55), «учащиеся» (0,55), «жители одного города» (0,51), «сплоченные» (0,49), «лучшая нация» (0,45), «гордая нация» (0,45), «справедливая нация» (0,43), «богатая, щедрая страна» (0,37), «хорошие люди» (0,37), «простой народ» (0,29), «защитники своего Отечества» (0,27), «упрямые» (0,24), «мастера на все руки» (0,21), «мы те, кого не смогли покорить» (0,19), «мы будущее, настоящее и прошлое» (0,16), «свободные люди» (0,1), «общительные» (0,12), «добрые» (0,09), «гостеприимные» (0,09), «патриоты» (0,09), «разнонациональные» (0,08), «разной веры исповедания» (0,08), «активные» (0,08), «друзья» (0,08), «веселые» (0,08).

Контент-анализ идентификационных дескрипторов позволил зафиксировать выраженность гражданской (98%), этнической (96%), этатической (державной) (94%), локальной идентичности (47%) на фоне переживания чувства гордости за причастность к прошлому и настоящему своей страны, с тенденцией проявления признаков этнопревосходства.

Сравнительный анализ соотношения выраженности гражданской, этнической, этатической

идентичности в исследуемой выборке достоверно значимых различий не выявил. Данный факт свидетельствует о совмещении гражданской, этнической и этатической идентичности на фоне выраженности этноконсолидирующих признаков и в целом позволяет говорить об актуализации общероссийской идентичности в выборке представителей русского этноса.

В выборке *представителей армянского этноса* консолидирующие признаки групповой идентичности представлены дескрипторами: «армяне» (0,96), «страдающая нация» (0,95), «древний народ» (0,90), «не забывающие свою историю» (0,90), «христиане» (0,90), «первые, принявшие христианство» (0,89), «верующие» (0,87), «имеющие свою культуру» (0,87), «народ, соблюдающий традиции и обычаи» (0,87), «пережившие геноцид» (0,78), «государство» (0,75), «имеющие свой язык» (0,73), «люди» (0,67), «граждане» (0,65), «нация» (0,62), «гордость нашего народа» (0,60), «честные» (0,57), «общество» (0,53), «жители» (0,40), «семья» (0,37), «уважающие старших» (0,35), «предприимчивые» (0,28), «любим свой народ» (0,25), «доверчивые» (0,24), «родственные узы» (0,22), «сплоченные» (0,20), «отзывчивые» (0,20), «дружелюбные» (0,19), «мудрые» (0,12), «мирные» (0,12), «гордые» (0,10).

Контент-анализ идентификационных дескрипторов позволил зафиксировать выраженность этнической (96%), конфессиональной (96%), гражданской (44%) идентичности на фоне переживания чувства сострадания и гордости за свой народ.

Сравнительный анализ соотношения выраженности этнической, конфессиональной и гражданской идентичности в исследуемой выборке позволил выявить паритетное соотношение представленности этнической, конфессиональной идентичности, в отличие от гражданской идентичности ($\phi_{cp}^* = 2,88; p < 0,01$).

Данный факт свидетельствует о доминировании этнической и конфессиональной идентичности и их совмещении.

Консолидирующие признаки групповой идентичности *казахской этногруппы* представлены дескрипторами: «мы люди» (0,86), «казахи» (0,83), «нация» (0,83), «этнос» (0,80), «граждане» (0,77), «народ» (0,75), «будущее» (0,70), «россияне» (0,70), «граждане РФ» (0,70), «алгайцы - жители Алгая» (0,66), «одноклассники» (0,63), «класс» (0,63), «будущее страны» (0,60), «сельчане» (0,56), «talанты» (0,54), «разные» (0,51), «семья» (0,49), «надежда» (0,46), «спортсмены» (0,39), «школьники» (0,39), «патриоты» (0,36), «школа» (0,33), «коллектив» (0,30), «дружный народ» (0,26), «веселые» (0,26), «хорошие люди» (0,26), «единый народ, связанный многовековой историей и культурой» (0,16), «идущие с улыбкой по жизни» (0,09), «переживаем за других» (0,08), «оптимисты» (0,07), «мирные люди» (0,07), «друзья» (0,06), «мусульмане» (0,06), «дети своих родителей» (0,05), «огромная страна» (0,05), «великая держава» (0,05), «представители своего народа» (0,05), «богатые и бедные» (0,04).

Контент-анализ идентификационных дескрипторов позволил зафиксировать выраженность этнической (87%), гражданской (86%), этатической идентичности (24%).

Сравнительный анализ позволил выявить паритетное соотношение выраженности гражданской и этнической идентичности, в отличие от этатической, имеющей меньшую представленность на достоверно значимом уровне ($\phi_{cp}^* = 2,86; p < 0,01$). На наш взгляд, данный факт свидетельствует о комплементарности гражданской и этнической идентичности и в целом позволяет говорить об актуализации общероссийской идентичности у представителей казахских школьников.

Обратимся к результатам исследования этноидентификационных установок в исследуемых этногруппах (таблица).

Выраженность этноидентификационных установок у представителей разных этногрупп

Этноидентификационные установки	Русские	Армяне	Казахи
Этнонигилизм	5,4	3,5	0
Этническая индифферентность	14	10,72	14
Позитивный тип этнической идентичности	6,4	17,05	7,8
Этноэгоизм	6,6	6,0	0
Этноизоляция	4	6,3	5
Национальный фанатизм	4	6,4	2

Данные (см. таблицу) свидетельствуют о том, что доминирующую выраженность в выборке русских имеет этническая индифферентность ($p < 0,05$), в выборке армян - позитивная этническая идентичность ($p < 0,001$) с проявлением тенденции индифферентного

отношения к представителям других этносов. В выборке казахов отмечается позитивное принятие своей этноидентичности в сочетании с установками на проявление индифферентного отношения к иным этногруппам ($p < 0,001$).

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что соотношение гражданской и социальной идентичности личности является сложным социально-психологическим феноменом, связывающий индивидуальный и коллективный опыт и переживания. Зафиксированные нами тенденции соотношения гражданской и этнической идентичности отличаются разнонаправленностью. Так, в выборке русских наблюдается совмещение гражданской, этнической и этатической идентичности на фоне выраженности этноконсолидирующих признаков, что свидетельствует в целом об актуализации общероссийской идентичности; в выборке представителей армянского этноса выявлен факт доминирования этнической и конфессиональной идентичности и их совмещение. Не исключено, что в данном случае мы можем наблюдать эффект замещения гражданской идентичности этноконфессиональной; у представителей казахского этноса наличествует факт комлементарности гражданской и этнической идентичности, что свидетельствует, на наш взгляд, об актуализации общероссийской идентичности.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Структура и предикторы субъективного благополучия личности: этнопсихологический анализ» (грант № 14-06-00250 а).

Библиографический список

1. Дробизжева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М., 2013. 336 с.
2. Дробизжева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность : проблемы позитивной совместимости. URL: <http://www.isras.ru> (дата обращения: 15.05.2014).
3. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2008. 368 с.
4. Павлова О. С. Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. М., 2013. № 2. С. 119-136.
5. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 386 с.

Personal Ethnic and Civil Identity in Representatives of Various Ethnic Groups

Elena E. Bocharova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail:bocharova-e@mail.ru

The article presents the results of theoretic and empirical investigations of ethnic and civil identity in representatives of various ethnic groups. The study was carried out on the proportionately selected sample consisting of representatives of the Russian, Kazakh, and Armenian ethnic groups from the city of Saratov, Saratov region (n = 32, males and females; aged 16-17). Application of the psychodiagnostic toolset: «Who am I?» questionnaire by Manfred Kuhn and Thomas McPartland, «Who are we?» questionnaire by V. A. Yadov, «Types of ethnic identity» by G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova, methods of content analysis, and comparative analysis allowed to identify the specifics of patterns of ethnic and civil identity in the samples under study. The applied aspect of the problem under study can be implemented in the development of programs of psychological and pedagogic accompaniment of formation and development of civil identity as an integral structure within the system of personal and socio-cultural identity of students.
Key words: personality, ethnic group, ethnic identity, civil identity.

References

1. Drobizheva L. M. *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiyskoy Federatsii. Opyt 20 let* (Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. 20 years experience). Moscow, 2013. 336 p. (in Russian).
2. Drobizheva L. M. *Natsional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoy sovmestimosti* (The national civil and ethnic identity: positive compatibility problems). Available at: <http://www.isras.ru> (accessed 15 May 2014).
3. Stefanenko T. G. *Etnopsikhologiya* (Ethnopsychology). Moscow, 2008. 368 p. (in Russian).
4. Pavlova O. S. *Ob etnicheskoy, religioznoy i gosudarstvenno-grazhdanskoy identichnosti chechentsev i ingushy* (About ethnic, religious and state and civic identity of the Chechens and Ingush). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* (Social Psychology and Society), 2013, no. 3, pp. 119-136 (in Russian).
5. Soldatova G. U. *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* (Psychology of ethnic tensions). Moscow, 1998. 386 p. (in Russian).